

Разрушая привычные схемы

Рамазу Чхиквадзе —
50 лет

МЫ ЖИВЕМ в изменчивом мире — это банальная истина, но мы часто забываем о ней, как забываем о многом в суетности быта и службы. К сожалению, мы подчас занимаемся мелкими дрязгами, обидно растрчивая себя на то, о чем со стыдом вспоминаем уже через день. И в этой кутерьме, не замечаем, что вокруг нас все меняется, углубляется — и вот наступает день, когда выясняется, что мы уже отстали. Не от моды, нет, наоборот, следователю моде нетрудно, отстали от времени, проблемы отдалились и молчат где-то в недосыгаемой дали, а часто и не видны вовсе. Подобие жизни, стена, воздвигнутая тобой, не дает возможности разобратся, что же произошло, почему то, что волнует тебя, не волнует большинство, почему твои желания уже смешны для других, а интересы обречены на непонимание и молчаливое недоумение.

В театре, как, наверное, в любом виде искусства, это выливается в трагедию художника. Апатичность, зависть к более удачливым коллегам, растерянность одолевает его, отнимая все силы, его опущенные природой для творчества.

Рамазу Чхиквадзе, любимому актеру в нашей республике, одному из самых популярных артистов страны, уже известному и за ее пределами, исполняется 50 лет. Все, кто любит его талант, его яркую индивидуальность, его роли, все, кто спорит о его творчестве, — все (и я уверен, что не ошибаюсь в этом) с удовольствием поздравляют его, желая ему доброго здоровья, успехов в труде и долгих лет жизни.

Все, сказанное в начале этой статьи, говорилось для контраста с его судьбой. Рамаз Чхиквадзе счастливо избежал этой мрачной участи и не только

благодаря таланту. Мучительные поиски, постоянный, как у хорошего спортсмена, изматывающий тренаж, полная отдача любимому делу, трезвая оценка своих возможностей, углубление присущих ему свойств — вот, что делает его прекрасным актером, самобытной фигурой в советском театре.

Популярность к Рамазу пришла сразу. Любимец публики, исполнитель ролей молодых, романтических влюбленных — вот начало его актерской карьеры. Сколько мы знаем актеров, которые не выдержали испытания ранним успехом и поблекли. Искушение популярностью — для актера серьезное искушение, многие, даже сильные личности не выдерживали убавляющего его дурмана, «убийцы», внушающего самодовольство и самоуверенность.

Но Рамаз Чхиквадзе не только не поддавался этому

злу, но смог найти в себе силы, углубить те качества, которые и сделали его нынешним Рамазом Чхиквадзе. Он нелегко нашел свой путь. Когда Михаил Туманишвили ставил свой прекрасный спектакль «Чинчрака», Рамазу по традиции предложили роль Чинчраки (вообще Рамазу предлагали роли красивых героев). Но он удивил и актеров, которые питают слабость к подобным ролям, и самого режиссера, выпросив для себя, казалось бы, эпизодическую, роль Коса.

По-моему, тогда и начался Рамаз Чхиквадзе. Правда, были прекрасные находки — в «Испанском священнике» — того же Туманишвили, когда герой-красавчик Рамаза, обманывая ревнивого супруга, разыгрывал придурковатого студентика, или же блистательный образ писаря из «Кваркваре Тутабери» в постановке Додо Алексидзе. Но в полной мере его талант, непрезойденная способность к импровизации, высокое чувство театральности, вкус и проникновенная актерская заразительность проявились именно в роли Коса.

Те, кто видел, наверное, никогда не забудут этот маленький шедевр — дуэт Серго Закариадзе и Рамаза. Всем вдруг стало ясно, что мы имеем великолепного комического актера, и все стали удивляться, как этого не замечали раньше, ведь Рамаз — блестящий рассказчик и остроумнейший человек.

Наверно, банально говорить о том, что публика требует от актера многоликости. Знакомая с живописью того или иного художника, мы никогда не порицаем его за постоянное изменение манеры и стиля. То же самое в других видах искусства, будь то музыка или литература. Но театр — ис-

кусство перевоплощения, и он требует от актера постоянного обновления. Мы ходим в театр, и для того, чтобы «не узнавать» нашего любимого актера, кроме того, мы требуем от него нового стиля в каждой новой роли, ибо меняется время, меняемся и мы сами. «Ты повторяешься» — сказать эти слова актеру, значит причинить ему боль.

Но вот Рамаз изменился еще раз. Нежданно-негаданно сыграл своего странного — нового Кваркваре, жуткую фантастическую, образ — маску.

Чем-то зловещим повеяло от Рамаза Чхиквадзе в этой роли, и люди, которые шли на спектакль в надежде посмеяться над очередной блестящей шуткой, ушли озадаченные, даже шокированные, но взволнованные и задумчивые. Не менее были озадачены и профессионалы. Этот образ не укладывался ни в какие теории, он разрывал привычные схемы, и иные растерянные театроведы лихорадочно бросились спасать свою эрудированную принципиальность и догматизм.

А ровно через год Рамаз изменился еще раз. На этот раз — Аздук Брехта. Вообще уроки Брехта не прошли для Рамаза формально — уже в «Трехпрошовой опере» он почувствовал, что в «этом» Бертольте Брехте заложены какие-то неизвестные ему пути, и он, по-моему, решил разобратся, что же это такое «эпический театр». Он не стал изучать труды Брехта, как теоретик, он начал познавать теорию интуитивно, пропуская через эмоции, сердце.

И потому так необычно сияет его талант сегодня, что он играет Брехта так, как может играть только он. Аздука, этого озорника, балагура, мудреца, Рамаз сыграл с какой-то щемящей нотой тра-

гизма, не внешнего, а людского.

Эта роль удивительна — она снова разрушает привычные нормы, все время напоминая зрителю, что это игра, театр, он умудряется высекать из зала то смех, то гнев, то слезы.

Что ж, изменения его от роли к роли уже стали потребностью не только для Рамаза, но и для зрителя. Так он приучил его — в этом изменении его сила.

То новое, что предлагает артисту режиссер, не всегда принимается сразу. Дает знать о себе опыт, который вырабатывает в актере не только мастерство, но и косность. Часто новые предположения режиссера принимаются в штыки — ведь чтобы выполнить их, нужно что-то сломать в себе, помучиться. Но не будем порицать артистов за это. Ведь материал для творчества актера — их душа, их чувства, их тело, и создание новой роли — это мучительный, зачастую болезненный процесс. Но Рамаз, по-моему, никогда не отбрасывает предложения режиссера, не поборовав, не разобравшись. Он готов на любые эксперименты, поиск — его естественное состояние.

Рамазу Чхиквадзе исполнилось 50 лет. Это не мало, но и не много (прекрасные пьесы написаны для всех возрастов). И сегодня, когда он репетирует Ричарда III, когда он волнуется, наверное, как никогда: не спит, работает и мучается, пожелаем ему хорошо сыграть эту роль, потому что большей радости нельзя пожелать артисту, потому что, если он сыграет хорошо, это будет и наша радость. Но, как говорят в театре, в ответ на добрые пожелания: «К черту! К черту!».

Роберт СТУРА.